

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-510-522

EDN: RWUOQG

Уровни и компоненты социальной идентичности современного российского общества*

К.В. Ракова

Институт философии РАН,
ул. Гончарная, 12/1, Москва, 109240, Россия

(e-mail: rakova@iphras.ru)

Аннотация. Актуальность проблематики статьи обусловлена необходимостью поиска путей консолидации и объединения полицентричного, полинационального и поликультурного российского общества в контексте новейших вызовов современности. Автор опирается на комплексный теоретико-методологический аппарат, включающий теорию социальной идентичности (Г. Тэджфел и Дж.Ч. Тернер), концепции «самости» (Дж. Мид) и «кризиса личности» (Э. Эриксон), феноменологический подход (А. Шюц) и теорию культурной травмы (Дж. Александер). В статье предложена четырехуровневая структура социальной идентичности, которая объединяет индивидуальный, групповой, государственный и глобальный (мировой) уровни, и на каждом обозначены отдельные типы социальной идентичности. Так, на индивидуальном уровне раскрыты свойства субъективной и объективной идентичностей; на групповом — региональной, культурной, национальной, языковой, религиозной, профессиональной и социально-классовой; на государственном — государственно-гражданской, исторической, территориальной и политической; на глобальном — постсоветской, азиатской, европейской и космополитической. Предложены эмпирические инструменты выявления аффилиативной составляющей социальной идентичности на индивидуальном, групповом, государственном и глобальном (мировом) уровнях. Обоснована актуальность поиска ответов на исследовательские вопросы о российской идентичности в целом, социокультурных различиях жителей России и других стран, территориальных особенностях России как государства и его континентальной принадлежности, влиянии Запада и Востока на российскую культуру, а также о воздействии глобальной открытости и «текучей современности» (З. Бауман) на социальную идентичность россиян. Рассмотрен механизм проявления в обществе «триггеров» трансформации социальной идентичности, которые первоначально возникают как на индивидуальном уровне, так и на глобальном — в зависимости от контекста и социального источника. Автор полагает, что изучение социокультурного ядра российской идентичности в условиях крайнего динамизма и нелинейности социальных процессов, затрагивающих ключевые сферы жизнедеятельности общества, будет способствовать разработке стратегии улучшения социального благосостояния и поиску эффективных способов консолидации российского общества с учетом его полицентричности и поликультурности.

*© Ракова К.В., 2024

Статья поступила в редакцию 22.06.2023 г. Статья принята к публикации 26.01.2024 г.

Ключевые слова: глобальная идентичность; государственная идентичность; групповая идентичность; индивидуальная идентичность; культурная травма; поликультурность; полицентричность; российское общество; социокультурное ядро; уровни социальной идентичности

Социокультурное ядро современного российского общества гетерогенно и дифференцировано, поэтому для изучения его содержания и природы необходимы междисциплинарные теоретико-методологические подходы, с помощью которых научное сообщество могло бы выявить ключевые особенности полинационального населения нашей страны, найдя точки соприкосновения и разъединения социальных групп внутри одного государства. В последние годы в российском научном сообществе проблематика социальной идентичности рассматривается сквозь призму новейших вызовов становления новой России и сочетания разных типов российской идентичности [3; 5–8; 14–17].

Одно из ключевых понятий в изучении социокультурного ядра российского общества — социальная идентичность: она представляет собой комплексный когнитивный феномен, для исследования которого востребован междисциплинарный подход с использованием теоретико-методологических положений социологии, социальной психологии и философии (теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж.Ч. Тернера, концепции «самости» Дж. Мида и «кризиса личности» Э. Эриксона, феноменологический подход А. Шюца и модель культурной травмы Дж. Александера). Цель статьи — попытаться выделить уровни и основные компоненты социальной идентичности российского общества с опорой на релевантные концептуальные построения.

Теоретико-методологические истоки анализа социальной идентичности в контексте социального взаимодействия внутри и между группами можно обнаружить в работах одного из основоположников теории социальной идентичности Г. Тэджфела, который со своим коллегой Дж.Ч. Тернером разработал теорию социальной идентичности (на индивидуальном и групповом уровнях), опираясь на многолетние исследования межгруппового поведения и природы межгруппового конфликта [21]. Представители социальной психологии, социологии и философии на протяжении последних десятилетий неизменно обращаются к теории социальной идентичности Тэджфела и Тернера для понимания характера социального взаимодействия между индивидами, социальными группами, внутри организаций и общества в целом. Наиболее ценным и релевантным положением их теории в контексте рассматриваемой проблематики выступает определение социальной группы как «совокупности индивидов, которые воспринимают себя как представителей одной и той же социальной категории, разделяют некоторую эмоциональную вовлеченность в это общее определение самих себя и достигают определенной степени социального консенсуса относительно оценки своей группы и своего член-

ства в ней» [21. С. 283]. Важнейшим компонентом является «эмоциональная вовлеченность» членов группы в свою самоидентификацию, поскольку таковая определяет консолидацию членов в единую социальную группу или сообщество. Соответственно, мы понимаем под социальной идентичностью «аспекты индивидуального самосознания, проистекающие из принадлежности к социальным категориям и идентификации с ними, становящиеся заметными в тех контекстах, где эти социальные категории принимают важное значение» [4. С. 228]. Исходя из данного определения, представляется целесообразным рассматривать феномен социальной идентичности на четырех взаимосвязанных уровнях — индивидуальном, групповом, государственном и глобальном (мировом).

На первом, *индивидуальном*, уровне человек формирует, поддерживает и трансформирует свою самоидентичность, т.е. ценностные установки, нормы и правила общества, которые разделяет и которыми руководствуется в социальном взаимодействии. Здесь следует поставить знак тождества между индивидуальным уровнем социальной идентичности и феноменом «самости» Дж. Мида, в структуре которой он выделял два ключевых компонента: «Я» (I) и «меня» (me). Если «Я» представляет собой «реакцию организма [человека] на установки других», то «меня» — «организованный набор установок других [членов общества], которые он сам принимает» [11. С. 166]. Важно подчеркнуть, что «меня»-компонент предполагает набор ценностных ориентаций, правил и норм, которые приняты в той или иной социальной группе и рассматриваются в качестве ценностно-нормативного ориентира социального взаимодействия (объективная идентичность), т.е. что поведение индивида в рамках «меня»-компонента относительно определено и предсказуемо. Социальные действия «Я» не могут быть спрогнозированы и предопределены заранее, так как этот компонент индивидуальной идентичности обладает инновационно-творческой природой непредсказуемого толка, ему свойственны присущие конкретной личности паттерны поведения, обусловленные ее психологическим и социальным портретом (субъективная идентичность). Иными словами, «меня» представляет собой некий морально-ценностный ориентир, а «Я» — стремящееся к данному ориентиру самосознание индивида.

Рассматривая социальную идентичность российского общества на индивидуальном уровне через призму двухкомпонентной самости Мида, следует отметить, что все те ценностные установки, черты характера и особенности поведения, которые свойственны россиянину и разделяются большинством населения, представляют собой «меня»-компонент, а вариативный характер социального взаимодействия членов общества, хаотически проявляющийся в разных нелинейных контекстах, — множественный «Я»-компонент индивидуальной идентичности, которые способны непредсказуемо меняться в зависимости от социальных условий. Аффiliationная составляющая ин-

дивидуального уровня социальной идентичности может быть выявлена с помощью ответов на вопросы о ценностных установках индивида, которые отражают нормативно-ценностную составляющую мировоззрения человека и систему его социального взаимодействия с окружающими — все то, что содержит в себе «меня»-компонент индивидуальной социальной идентичности. Как отмечал А. Шюц: «Мир повседневной жизни изначально является также и социокультурным миром, в котором я связан множеством отношений с другими людьми, более или менее мне знакомыми» [18. С. 62], из чего вытекает необходимость исследовательского перехода от индивидуального уровня к групповому.

На втором, *групповом*, уровне социальная идентичность проявляется в принадлежности индивида к социальной группе, с которой он себя отождествляет, членов которой считает своими единомышленниками, обладающими наиболее схожим набором социальных статусов, а также в осознании существования иных социальных групп, члены которых разделяют иные ценностные установки, правила поведения и нормы. На групповом уровне социальной идентичности актуализируется противопоставление «мы-» и «они-групп». Принимая во внимание утверждение Тэджфела и Тернера, что социальная идентичность тесно связана со стремлением индивида к позитивной самоидентификации, обладанию положительным, социально одобряемым статусом и образом [21. С. 283–284], следует учитывать принцип, сформулированный британскими психологами: «когда социальная идентичность неудовлетворительна, индивиды будут стремиться либо покинуть свою группу и присоединиться к какой-либо более позитивной группе, и/или сделать свою группу более позитивной». Иными словами, речь идет как о перспективе изменения «мы-группы», к которой принадлежит индивид, так и о его переходе в «они-группу», более близкую по ценностным ориентациям и социокультурным особенностям. В этом смысле противопоставление «мы-» и «они-групп» — проявление социальной дифференциации, лежащей в основе групповой идентичности, вне контекста столкновения или конфликта социальных групп.

Групповая социальная идентичность включает в себя ряд компонент: набор социальных статусов и ролей; чувство близости с жителями населенного пункта, области, края, республики (региональная идентичность); принадлежность к определенному социальному классу, этносу (культурная, национальная, языковая идентичности); место рождения и место жительства; историческое сознание как многообразные представления о прошлом народа и родного края [7. С. 342]; принадлежность к общественным организациям; вероисповедание (религиозная идентичность); к профессиональному сообществу (профессиональная идентичность); социальному классу по уровню дохода (социальная-классовая идентичность) и др. Данные компоненты — референтные точки при проведении индивидом сравнения между своей и другими социальными группами.

Поскольку «локальная идентичность далеко не тождественна региональной, если под регионом, как в нашем российском случае, иметь в виду область, край или республику» [7. С. 342], при рассмотрении групповой идентичности российского общества следует выделить ее локальный и региональный подуровни: первый характеризуется высокой степенью гетерогенности, так как на этом подуровне конструируются разные виды групповой идентичности, соответствующие вышперечисленным компонентам. Аффiliationная составляющая локального подуровня групповой идентичности может быть выявлена с помощью ответов на вопросы о членстве в сообществах и организациях; уровне взаимопонимания с родственниками, друзьями, соседями, коллегами, жителями своего поселения, единоверцами и др. Региональный подуровень групповой идентичности проявляется в виде чувства принадлежности к тому или ному населенному пункту, области, краю, республике или региону, поэтому он относительно гомогенен — проявляется в более крупном «социальном масштабе». Многогранная локальная групповая идентичность может быть дифференцирована с помощью ответов на вопрос о взаимопонимании и чувстве близости с представителями малых и больших социальных групп (семья, друзья, соседи, коллеги, люди с одинаковым социальным положением и достатком, представители одной национальности, единоверцы). Аффiliationная составляющая регионального подуровня групповой идентичности может быть раскрыта с помощью ответов на вопрос о степени близости с жителями области, края или республики, в которой проживает респондент, и целевая категория здесь — индивиды, воспринимающие жителей своей области, края или республики как «своих», близких по духу, и испытывающие по отношению к ним чувство сильной эмоциональной привязанности.

Третий, *государственный*, уровень социальной идентичности включает в себя такие компоненты, как: чувство близости с населением своей страны, эмоциональная привязанность к государству как к «социальному целому, значимому объекту самоотнесения, логической предпосылке идентификационной цепочки “дом–поселение–регион–страна”» [16. С. 34] и представления о системе отношений между государством и гражданином (государственно-гражданская идентичность); восприятие государства в контексте современности и исторического прошлого (историческая идентичность); восприятие территориальной целостности страны (территориальная идентичность); принадлежность к политической организации, партии, группе (политическая идентичность).

Одна из ключевых проблем современного российского общества заключается в том, что в контексте глобализации в полинациональных государствах, в которых процветают формы ценностно-культурного плюрализма, наблюдается игнорирование универсальности и всеобщности ценностных ориентиров и социокультурных норм: «глобализация парадоксальным, на первый взгляд, образом значительно повысила — в случае новых объединений любого формата, любых новых общественных договоров — именно ценности самобытности,

специфики, неповторимости каждой из объединяющихся “единиц”» [12. С. 19]. Вторая проблема связана с постепенным ростом числа российских граждан, имеющих второе гражданство. Согласно данным переписей 2010 и 2020 годов, на 2010 год доля граждан России, имеющих двойное гражданство, составляла 0,06 % (1), а в 2020 году — уже 0,1 % (2). Третья проблема — постоянный приток мигрантов и их ассимиляция: «масштабное присутствие в России иностранных граждан, выходцев из социумов с иными традициями и культурами, нормами поведения, зачастую впервые сталкивающихся с высокоурбанизированной средой, не слишком образованных, чревато серьезными вызовами дестабилизации социально-экономической и социально-политической обстановки, особенно на локальном уровне, обусловленными ростом напряженности между местным населением и мигрантами» [13. С. 7]. Этот фактор также способствует элиминации консолидирующего большинство населения России ценностей, норм и правил, входящих в государственную идентичность, а также стиранию единой для большинства россиян социальной реальности.

Государственно-гражданская идентичность — один из факторов, объединяющих гетерогенное общество посредством «коалиций и механизмов, способствующих восприятию мира и жизни в условиях разнообразия культур и человеческих связей» [5. С. 24]. Как отмечает А. Вендт, «важно то, что люди принимают на себя обязательство действовать сообща от имени коллективных убеждений, независимо от того, разделяют они их лично или нет» [24. С. 219]. Исходя из природы социальной идентичности, члены общества могут отличаться по разделяемым ими ценностям и нормам, принадлежности к этнической группе, месту проживания, вероисповеданию, классу и др., но, будучи гражданами одного государства, испытывать чувство эмоциональной привязанности к одной территории, разделять одно историческое прошлое, одну коллективную память и идентичность, а также иметь горизонтальные связи друг с другом — «идентичность основана на социальных взаимодействиях, глубине связей с окружающими и новых способах коммуникации» [23. С. 7]. Главенствующая роль принадлежит коллективным нормам, правилам, ценностным установкам, «понятиям коллективных структур», которые превалируют над индивидуальными, «производят огромное, часто решающее каузальное действие на поведение реальных лиц» [2. С. 76]. Аффилиативная составляющая государственной-гражданской идентичности может быть выявлена с помощью ответов на вопросы о чувстве близости с жителями и/или гражданами России, т.е. речь идет о тех, кто воспринимает жителей России как «своих», близких по духу людей, испытывающих чувство сильной близости с ними, об эмоциональной привязанности к России и гордости достижениями страны в разных областях и др.

И, наконец, четвертый, *глобальный* или *мировой*, уровень социальной идентичности представляет собой идентификацию личности с мировым обществом и человечеством. В последнее десятилетие глобальная идентич-

ность российского общества в контексте гибридной социоцифроприродной реальности [22] подвергается трансформациям, вызванным крайним динамизмом и нелинейностью социальных процессов мирового масштаба: глобализация, природно-эпидемиологические и климатические вызовы и угрозы, цифровизация, изменения в системе международных отношений и т.д. — все то, что способствует возникновению «опасных общественных метаморфоз», когда «повседневные нормы жизни ставятся с ног на голову» [1. С. 3]. Социальная идентичность российского общества на глобальном уровне включает в себя четыре компонента: постсоветская (свойственна индивидам, отождествляющим себя с населением стран СНГ), азиатская (индивиды, отождествляющие себя с населением стран Азии и/или являющие выходцами из азиатских стран, которые получили ВНЖ или гражданство в России), европейская (отождествление с населением европейских стран) и космополитическая (с жителями всего мира) идентичности. Аффiliationная составляющая глобальной идентичности может быть выявлена с помощью ответов на вопрос о степени близости с жителями бывших республик СССР, Европы, Азии и всей Земли, т.е. речь идет о тех, кто отождествляет себя с социальными группами за пределами нашего государства.

Однако важно провести черту между отождествлением с жителями бывших республик СССР и стран Азии (постсоветская и азиатская идентичности), часть которых проживает на территории России (граждане или мигранты) и в связи с общим историческим прошлым имеют схожие ценностные установки и паттерны поведения, и отождествлением с жителями Европы (европейская идентичность) и всей Земли (космополитическая идентичность). Не все ценности и нормы, лежащие в основе европейской идентичности, разделяются российским обществом: «по одной группе ценностей («открытость изменениям — сохранение») Россия сегодня близка широкому кругу европейских стран, а по другой группе ценностей («выход за пределы своего “Я” — самоутверждение») — заметно отличается от большинства из них» [10. С. 57]. Космополитическая идентичность, в свою очередь, характеризуется относительно универсальным набором ценностных установок, норм и правил, которых придерживаются космополиты, и этот набор имеет меньший консолидирующий потенциал, нежели тот, что разделяют представители «патриотической категории» с ярко выраженной государственно-гражданской идентичностью третьего уровня. Социальная идентичность на глобальном уровне обладает слабой объединяющей силой ввиду того, что поведенческие паттерны ее представителей относительно «размыты» кросс-культурными ценностными установками.

В Таблице 1 представлена авторская структура социальной идентичности российского общества, которая включает в себя четыре уровня с соответствующими им по своему содержанию компонентами, которые проявляются в форме той или иной доминанты социальной идентичности человека.

Структура социальной идентичности российского общества

Уровни	Компоненты
Индивидуальный	субъективная идентичность («Я»-компонент) объективная идентичность («меня»-компонент)
Групповой	региональная идентичность культурная идентичность национальная идентичность языковая идентичность религиозная идентичность профессиональная идентичность социальная-классовая идентичность
Государственный	государственно-гражданская идентичность историческая идентичность территориальная идентичность политическая идентичность
Глобальный (мировой)	постсоветская идентичность азиатская идентичность европейская идентичность космополитическая идентичность

Рассматривая социальную идентичность человека в контексте глобальных вызовов современности, приходится признать неизбежность «кризиса личности» (Э. Эриксон) на четырех уровнях в восходящем и нисходящем направлениях. Иными словами, «триггер» трансформации социальной идентичности может сработать как с индивидуального уровня, так и с глобального — в зависимости от контекста и иницилирующего агента. Так, за изменением восприятия государства на международной арене другими странами следует изменение социальной идентичности его населения на мировом, государственном, групповом и индивидуальном уровнях. Примером нисходящей цепочки изменения социальной идентичности могут послужить действия западных стран по отношению к России и ее гражданам в 2022–2023 годы (санкционный режим коллективного Запада). И, наоборот, социальный акт одного индивида может вызвать общественный резонанс и перейти с индивидуального на последующие три уровня социальной идентичности. Примером восходящей цепочки изменения социальной идентичности может послужить общественное движение «Black Lives Matter», одно из крупнейших в истории США, которое обрело национальный масштаб в 2013–2014 годы и вышло за пределы страны (во многом благодаря интернет-каналам) в 2020 году, получив поддержку в Австралии, Индонезии, Германии, Франции и других странах.

Таким образом, наблюдается следующая закономерность: кризису социальной идентичности, как правило, предшествует социальный акт или факт (Э. Дюркгейм), нередко имеющий форму «культурной травмы» (Дж. Александер), которая оказывает воздействие на коллективную социальную идентичность, вызывая ее кризис и последующую трансформацию в соответствии с реалиями: «Культурная травма возникает, когда члены кол-

лектива чувствуют, что подверглись ужасному событию, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отмечая их воспоминания и фундаментальным и бесповоротным образом меняя их будущую идентичность» [20. С. 1]. Как справедливо отмечал Эриксон, «Слово “кризис” больше не вызывает в представлении неминуемую катастрофу, что в свое время затрудняло его понимание. Кризис теперь понимается как неизбежный поворотный пункт, критический момент, после которого развитие повернет в ту или иную сторону, используя возможности роста, способность к выздоровлению и дальнейшей дифференциации» [19. С. 25].

Социальный акт, не соответствующий принятым и разделяемым ценностным установкам, нормам морали или правилам поведения, выступает социальным «триггером» кризиса коллективной идентичности, за которым следует точка бифуркации, характеризующаяся неустойчивостью и амбивалентностью перспектив дальнейшего развития событий. Открываются два возможных пути: на первом коллективная идентичность претерпевает трансформацию в соответствии с изменившейся социальной реальностью, если исходный социальный акт получает поддержку общественности; на втором происходит укрепление коллективной идентичности, которое проявляется в социальном неодобрении общественности и в устранении последствий исходного социального акта, вызвавшего общественный резонанс. Однако «даже если существует сопротивление принятию нового основного нарратива национальной идентичности... и хранители традиционных нарративов выступают против него, новая модель коллективной идентичности принимается более современными обществами» [20. С. 150].

Принимая во внимание полинациональность, полирелигиозность и поликультурность российского общества, которые обуславливают комплексное переплетение его социальной идентичности на четырех уровнях, а также нелинейные и всеобъемлющие изменения, затрагивающие локальные, социальные и глобальные структуры, следует признать особую актуальность социологического исследования содержания социальной идентичности современного российского общества как переплетения и пересечения идентичностей индивидуального, группового, государственного и глобального уровней. «Идентичности современных людей множественные. Их значимость для конкретных людей в различных условиях меняется, но важно, что чаще всего они являются не взаимоисключающими» [6. С. 13]. Выявление особенностей социальной идентичности российского общества в условиях «структурного плюрализма социокультурного пространства» [9. С. 4] тесно связано с поиском ответов на вопросы, что означает для человека быть россиянином; что отличает россиянина от жителей других стран; является ли Россия частью Азии или Европы или принадлежит континенту Евразия и воплощает смешение соседних культур; какая часть света — Запад или Восток — оказала наибольшее влияние на формирование российской идентичности, а какая — наименьшее;

каким образом «текущая современность» (З. Бауман) и глобальная открытость интернет-коммуникаций повлияли на российскую идентичность; различаются ли социокультурные нормы и ценности россиян, живущих в центральной части России, и тех, кто проживает в других регионах и на периферии страны; как трансформируется социальная идентичность российского общества с течением времени. На эти и многие другие вопросы Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН планирует найти ответы в рамках восьмой волны всероссийского мониторинга, призванного выявить содержание многокомпонентной социальной идентичности российского общества и изменения, произошедшие в сознании и самоопределении граждан России с 1990-х годов. Изучение социальной идентичности позволяет разработать такую стратегию улучшения жизни населения, которая соответствовала бы его ожиданиям и потребностям и одновременно способствовала бы повышению социальной сплоченности — чем гомогеннее социальная идентичность общества на всех четырех уровнях, тем крепче социальные связи между его членами и меньше ценностно-нормативная дифференциация.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 23-28-00539 «Ценности и интересы населения России в условиях цивилизационных вызовов (восьмая волна всероссийского мониторинга)».

Примечания

- (1) Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Табл. 17: Население по гражданству и возрастным группам // URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html.
- (2) Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 4: Гражданство. Табл. 1: Население по гражданству и возрастным группам // URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. I: Социология. М., 2016.
3. Горшков М.К., Тюрина И.О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. № 4.
4. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. М., 1999.
5. Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А. и др. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова. М., 2022.
6. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Политические исследования. 2015. № 5.
7. Историческая память и российская идентичность / Отв. ред. В.А. Тишков, Е.А. Пивнева. М., 2018.
8. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2022.
9. Лапин Н.И. Статус регионов России и разбалансированность их социокультурных функций // Мир России. 2010. № 15.

10. Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1.
11. Мид Дж.Г. Избранное. М., 2009.
12. Мотрошилова Н.В. Глобализация и критическое обновление универсальных ценностей разума, просвещения и общественного договора // Мораль и универсальность. Вып. 1. М., 2018.
13. Мукомель В.И., Григорьева К.С., Монусова Г.А. и др. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / Отв. ред. В.И. Мукомель, К.С. Григорьева. М., 2022.
14. Омельченко Д.А., Омельченко Е.Л. В поисках дома. Региональная идентичность молодых калининградцев: жизненные стратегии и миграционные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6.
15. Раитина М.Ю., Зиновьева В.И., Покровская Е.М. Характеристика типов этнической идентичности в студенческом сообществе (по материалам опроса в Томском университете систем управления и радиоэлектроники) // Русин. 2023. № 73.
16. Санина А.Г., Павлов А.В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9.
17. Шергалиева М.Т. Этническая идентичность как вид социальной идентичности // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. № 1.
18. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004.
19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
20. Alexander J.C. (Ed.). *Cultural Trauma and Collective Identity*. California, 2004.
21. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Jost J.T., Sidanius J. (Eds.). *Political Psychology*. N.Y., 2004.
22. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge, 2003.
23. Wearing M. (Ed.). *Social Identity*. N.Y., 2011.
24. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, 1999.

DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-510-522

EDN: RWUOQG

Levels and components of the social identity of the contemporary Russian society*

K.V. Rakova

Institute of Philosophy of RAS,
Goncharnaya St., 12/1, Moscow, 109240, Russia

(e-mail: rakova@iphras.ru)

Abstract. The relevance of the research is determined by the need to find ways for the consolidation and unification of the polycentric, multinational and multicultural Russian society under contemporary challenges. The author uses a complex theoretical-methodological approach combining the theory of social identity (H. Tajfel and J.C. Turner), the concepts of “self” (G. Mead) and “personality crisis” (E. Erikson), the phenomenological paradigm

*© K.V. Rakova, 2024

The article was submitted on 22.06.2023. The article was accepted on 26.01.2024.

(A. Schutz) and the theory of cultural trauma (J. Alexander). The article presents a four-level structure of social identity, which includes individual, group, state and global (world) levels, and different types of social identity at each. Thus, the features of subjective and objective identities are shown at the individual level; regional, cultural, national, linguistic, professional and social-class identities — at the group level; state-civil, historical, territorial and political — at the state level; post-Soviet, Asian, European and cosmopolitan — at the global level. The author provides some empirical tools for identifying the affiliative component of social identity at the individual, group, state and global (world) levels and insists on the need to search for answers to research questions about the Russian identity in general, social-cultural differences between residents of Russia and other countries, territorial features of Russia as a state and its continent, the influence of the West and East on the Russian culture, and the impact of global openness and “liquid modernity” (Z. Bauman) on the Russian social identity. The article considers “triggers” for the transformation of social identity, which initially appear either at the individual or global level, depending on the context and social source. The author argues that the study of the social-cultural core of the heterogeneous Russian identity under the extremely dynamic and nonlinear social processes affecting the key areas of Russian life can contribute to the development of a strategy for improving social well-being in the Russian society and to the search for effective ways of its consolidation given its polycentricity and multiculturalism.

Key words: global identity; state identity; group identity; individual identity; cultural trauma; multiculturalism; polycentricity; Russian society; social-cultural core; levels of social identity

Funding

The study was funded by the Russian Science Foundation. Project No. 23-28-00539.

References

1. Beck U. *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow; 2000. (In Russ.).
2. Weber M. *Khozjajstvo i obshchestvo: ocherki ponimajushchej sotsiologii* [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology]. Vol. I: Sociology. Moscow; 2016. (In Russ.).
3. Gorshkov M.K., Tyurina I.O. Konsolidatsija rossijskogo obshchestva v uslovijah sovremennyh vyzovov: istoriko-sotsiologicheskij i tsennostno-mirovozzrencheskij konteksty [Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Historical, sociological and value-worldview contexts]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4). (In Russ.).
4. Jeri D., Jeri J. *Bolshoj tolkovy sotsiologicheskij slovar* [Large Explanatory Sociological Dictionary]. Moscow; 1999. (In Russ.).
5. Drobizheva L.M., Arutyunova E.M., Evseeva M.A. et al. *Rossijskaja identichnost i mezhetnicheskie otnoshenija. Publichny diskurs i sotsialnaja praktika* [Russian Identity and Interethnic Relations. Public Discourse and Social Practice]. I.M. Kuznetsov, S.V. Ryzhova (Eds.). Moscow; 2022. (In Russ.).
6. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Grazhdanskaja i etnicheskaja identichnost i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii [Civil and ethnic identity and the image of the desired state in Russia]. *Political Studies*. 2015; 5. (In Russ.).
7. *Istoricheskaja pamjat i rossijskaja identichnost* [Historical Memory and Russian Identity]. V.A. Tishkov, E.A. Pivneva (Eds.). Moscow; 2018. (In Russ.).
8. *Istoricheskoe soznanie rossijan: otsenki proshlogo, pamjat, simvoly (opyt sotsiologicheskogo izmerenija)* [Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Sociological Measurement)]. M.K. Gorshkov (Ed.). Moscow; 2022. (In Russ.).
9. Lapin N.I. Status regionov Rossii i razbalansirovannost ih sotsiokulturnyh funktsij [The status of Russian regions and the imbalance of their social-cultural functions]. *Universe of Russia*. 2010; 15 (2). (In Russ.).

10. Magun V.S., Rudnev M.G. Zhiznennye tsennosti rossijskogo naselenija: skhodstva i otlichija v sravnenii s drugimi evropejskimi stranami [Vital values of Russians: Similarities and differences compared to other European countries]. *Vestnik Obshhestvennogo Mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2008; 1. (In Russ.).
11. Mead G.H. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow; 2009. (In Russ.).
12. Motroshilova N.V. Globalizatsija i kriticheskoe obnovenie universalnyh tsennostej razuma, prosveshchenija i obshhestvennogo dogovora [Globalization and critical renewal of the universal values of reason, enlightenment and social contract]. *Moral i Universalnost*. Issue 1. Moscow; 2018. (In Russ.).
13. Mukomel V.I., Grigorieva K.S., Monusova G.A. et al. *Adaptatsija i integratsija migrantov v Rossii: vyzovy, realii, indikatory* [Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators]. V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva (Eds.). Moscow; 2022. (In Russ.).
14. Omelchenko D.A., Omelchenko E.L. V poiskah doma. Regionalnaja identichnost molodyh kaliningradtsev: zhiznennye strategii i migratsionnye namerenija [In search of home. Regional identity of the Kaliningrad youth: Life strategies and migration intentions]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022; 6. (In Russ.).
15. Raitina M.Yu., Zinovieva V.I., Pokrovskaja E.M. Kharakteristika tipov etnicheskoi identichnosti v studencheskom soobshchestve (po materialam oprosa v Tomskom universitete sistem upravlenija i radioelektroniki) [Characteristics of the types of ethnic identity in the student community (based on the survey at the Tomsk University of Control Systems and Radio Electronics)]. *Rusin*. 2023; 73. (In Russ.).
16. Sanina A.G., Pavlov A.V. Gosudarstvennaja identichnost: sodержanie ponjatija i postanovka problemy [State identity: Content of the concept and the research problem]. *Upravlencheskoe Konsultirovanie*. 2015; 9. (In Russ.).
17. Shergalieva M.T. Etnicheskaja identichnost kak vid sotsialnoj identichnosti [Ethnic identity as a type of social identity]. *Vestnik Saratovskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta*. 2014; 1. (In Russ.).
18. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, svetjashchijsja smyslom* [Selected Works: A World Glowing with Meaning]. Moscow; 2004. (In Russ.).
19. Erikson E. *Identichnost: junost i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow; 1996. (In Russ.).
20. Alexander J.C. (Ed.). *Cultural Trauma and Collective Identity*. California; 2004.
21. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. Jost J.T., Sidanius J. (Eds.). *Political Psychology*. New York; 2004.
22. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge; 2003.
23. Wearing M. (Ed.). *Social Identity*. New York; 2011.
24. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge; 1999.